- Алекс Джонс
  -
  - WWW.CIMMERIA.RU

Алекс Джонс

Ловушка для Бога

Клянусь Белом! Клянусь Белом, что никто в Пустыньке не отважится на это! – восклицал Лысый Хадир, и каждое его слово завсегдатаи «Шустрого таракана» встречали громовыми раскатами хохота. – Да если б отыскался такой смельчак и пройдоха, я бы… Я бы украл для него… Нергал меня забери!… Я бы целый год воровал для этого идио… Ох! Для этого выдающегося человека!

Тут Хадир и сам зашелся хохотом, то и дело хлопая себя по бедрам, хватаясь за живот и всхлипывая. Вокруг рыдала от смеха полупьяная компания самых ловких воров Шадизара. Жирно чадившие огоньки масляных ламп бросали тусклые отсветы на багровые лица, разинутые в гоготе рты, разноцветное тряпье одежд. На уставленном блюдами низком столе поблескивали лужицы пролитого вина, и в одной из этих лужиц уже сладко прикорнул кто-то из собутыльников, нахохотавшийся до икоты, ткнувшись головой с давно не мытыми и никогда не чесанными волосами в слегка подгоревший бок полуобглоданного поросенка.

Но время повального беспробудного сна еще не настало. Еще много кувшинов пряного вина поджидало своей очереди, приятный хмель бродил в крови, радуя сердца и заставляя безудержно смеяться над уморительной выдумкой Лысого Хадира. Было начало ночи, кончался час первой свечи, и снаружи, на узких кривых улочках воровского квартала Пустыньки, царили глухая темнота и тишина: большинство обитателей Пустыньки шныряло сейчас по спящему городу, трудясь во славу Бела, бога воров, и, конечно, во славу собственного кармана. Здесь же, в задней потайной комнате «Шустрого таракана», шло разудалое веселье: Лысый Хадир праздновал счастливо завершившееся дело. И надо думать, оно и впрямь было на редкость выгодным и удачным, ибо прижимистый Хадир сорил деньгами направо и налево, сияя при этом, как таз придворного цирюльника.

Что именно провернул этот худощавый коротышка, обладавший столь неподходящим для своего роста низким и сильным голосом, на редкость ловкими руками и блистательно изворотливым умом – умом, который сделал бы честь иному нобилю, о да! – в чем состояло это замечательное дело, вслух не говорил никто. Все обходились шутками да намеками, восхищенно цокая при этом языками. Помалкивали даже здесь, в самом безопасном убежище Пустыньки, куда вхожи были только проверенные люди.

Да продлят боги дни Урдаши, хозяина «Таракана»! Он хорошо держит свой духан, он устроил и эту комнатку, и потайные выходы, он сам следит за тем, чтоб ни один соглядатай не ушел отсюда живым. Правда, и деньги берет немалые, но ведь есть за что… И все-таки даже в «Шустром таракане» не следует много болтать языком. Люди светлейшего Эдарта, начальника городской стражи, трусливы, как шакалы, и в Пустыньку стараются не соваться, но из-за такого дела, видит Митра, могут и пересилить свой обычный страх. Шутка ли – среди бела дня, из-под носа у светлейшего…

Зато много и всласть поговорили о славных проделках, совершенных всеми присутствующими в прошлом, вспоминали полные вранья, но от этого еще более увлекательные россказни о разных немыслимых кражах и, конечно же, пили за здоровье Хадира, за здоровье Урдаши, потом за здоровье всей компании и каждого в отдельности, а также за неиссякаемые богатства Хеир-Аги, наместника Шадизара. А когда иссякли полулегендарные истории и пошел по кругу шестой кувшин аренджунского, вот тогда Хадир и придумал новую забаву: пусть, мол,

найдется такой бесстрашный ловкач, который его, Хадира, переплюнет и украдет… Украдет… Даже в голову не сразу пришло, что для этого надо украсть… А! Пожалуй, старшую дочь наместника! Предложение было встречено новым взрывом хохота. Девчонке, поговаривают, пятнадцать лет, хороша собою, за такую рабыню идущие в Коф купцы дадут немалую цену… Но дело-то не в цене, дело в том, что сам Лысый Хадир склонится перед человеком, которому удастся совершить такой подвиг, сохранить при этом все части тела и не остаться во дворце Хеир-Аги на прибыльной, но весьма незавидной должности евнуха.

* * *

Конан оттолкнулся лопатками от теплой еще, не остывшей от дневного солнца стены и неторопливо пересек улицу. Хадир здесь, больше ему быть негде, и нечего терять время, разыскивая Лысого по всему кварталу. Празднует удачу, сучий потрох… Подавиться бы ему своей удачей! Хитер, ублюдок: без году неделя в Шадизаре, а уже сколотил компанию прихвостней, заправляет доброй половиной мало-мальски выгодных дел и все чаще перебегает дорогу тем, кто не спешит предлагать ему услуги. Конан скрипнул зубами и сумрачно усмехнулся. Он мог бы голыми руками передушить эту крысиную команду вместе с главарем-недоростком, но не в его правилах убивать без крайней надобности, да и не охота бегать потом, высунув язык, от стражников… Было бы ради чего! Убивать-то он не станет, однако поставить кое-кого на место давно пора, иначе самому придется уматывать из города, а это вовсе не входило в его планы.

Конан дернул дощатую дверь «Шустрого таракана». Глухо громыхнула в петлях железная щеколда: заперто. Ухмылка молодого варвара стала еще шире, когда от второго рывка дверь широко распахнулась и, лязгнув, отлетел в сторону засов. В спертом воздухе кабака, казалось, не могло существовать ничто живое, там было темно и пусто, но лишь на первый взгляд. Конан прислушался и, не производя ни малейшего шума, двинулся к противоположной стене, завешанной старыми коврами, но совершенно некстати споткнулся об оставленный на полу медный кувшин, и тот покатился, брякая крышкой. Тут же заскрипели ступеньки узкой деревянной лестницы, которая вела в жилище хозяина: Урдаши торопливо спускался вниз, запахивая на волосатой груди немыслимо грязный халат. Он высоко поднял плошку с огарком свечи, заморгал, пытаясь разглядеть посетителя, и, узнав киммерийца, расплылся в улыбке:

– А, это ты, Конан! Очень рад! Клянусь Митрой, нет для меня большего удовольствия, чем потчевать и угощать тебя, но, понимаешь ли, сегодня я так утомлен дневными трудами…

– Не части, язык проглотишь.

Урдаши послушно замолчал, всем видом выражая готовность вывернуться наизнанку в угоду мрачному киммерийцу: он хорошо знал вспыльчивый нрав варвара, неоднократно видел, как Конан расправляется с теми, на кого пал его гнев, и отнюдь не искал неприятностей на свою голову. А потому, подобострастно улыбаясь, духанщик поспешно проводил дорогого гостя к замаскированной ковром двери, за которой столь приятно убивал время другой, не менее драгоценный гость.

* * *

В ноздри ударил густой аромат жареного мяса и пряностей. Конан, невольно сглотнув слюну, отыскал в полумраке, который едва рассеивали огни светильников, улыбающееся скуластое лицо Хадира. Тот смотрел на киммерийца бесстрашно и даже, пожалуй, приветливо: скорее всего, разговор в соседней комнате подслушивали, и появление Конана не было неожиданностью.

– Входи, входи, наилюбимейший сын Бела, алмаз моего сердца!

Хадир бросил повелительный взгляд на сотрапезников, и те мгновенно раздвинулись, давая киммерийцу место за столом, а Лысый продолжил рассыпаться в любезностях, уговаривая Конана разделить с ними скромный праздничный ужин и выпить хоть немного вина за удачу, дабы та и впредь не обходила стороной никого из присутствующих. Полупьяная компания нестройным хором вторила его просьбам, а Урдаши, бормоча что-то восторженно-ласковое, выбежал вон и мгновение спустя вернулся с громадным блюдом аппетитной снеди.

Все были безукоризненно приветливы, и обстановка, в первую секунду грозившая взрывом, постепенно разряжалась: по-крысиному чуткий Хадир с первых дней пребывания в Шадизаре верно оценил угрозу, исходившую от Конана, а теперь пустил в ход все свое обаяние, чтобы обезоружить противника, и ему это удалось как нельзя лучше. Уже садясь за стол, Конан с сожалением подумал, что Хадир никогда не подаст повода для ссоры, а в игре, которую он сейчас блестяще навязал киммерийцу, Лысый, безусловно, сильнее. С другой стороны, почему бы и не сыграть? В конце концов, взять его за горло и тряхнуть хорошенько Конан всегда успеет.

Сделав над собой усилие, юный варвар улыбнулся виновнику торжества, взял чашу, услужливо наполненную кем-то из соседей, и произнес неторопливо, тщательно подбирая слова:

– Я рад твоей удаче, Хадир. Рад, что она не оставила тебя сегодня днем, ибо, отвернись от тебя Бел хоть на мгновение, и страшно подумать, что осталось бы от твоего и так не пышного тела, – Конан сделал паузу и с нескрываемым удовольствием взглянул на перекосившееся лицо собеседника. Такие длинные речи были для киммерийца делом тяжелым и непривычным, но удовольствие, видит Кром, того стоило, и он продолжил: – Желаю тебе провести приятную и спокойную старость где-нибудь подальше от здешних мест, так как свой запас удачи ты наверняка исчерпал. Вряд ли боги еще раз возьмутся помочь тебе украсть хоть какой-нибудь… ослиный хвост. Так что отдыхай и не рискуй понапрасну здоровьем.

Конан перевел дыхание и залпом осушил чашу. В наступившей тишине было слышно, как потрескивают фитили ламп. Все замерли, ожидая ответа Хадира, готовые по его знаку рассмеяться, превратив этот нахальный тост в шутку, или схватиться за ножи, или благоразумно кинуться наутек, предоставив Лысому самостоятельно разбираться с обнаглевшим варваром. О, если бы Хадир мог пристукнуть на месте этого опасного юнца, он бы сделал это давным-давно! Но Митра не любит полного равенства: кому-то дает гору мышц, кому-то – ум в хилой оболочке, и ничего тут не изменишь, ровным счетом ничего! Лысый смерил Конана уничтожающим взглядом и вдруг непринужденно расхохотался:

– Спасибо и на том, киммериец, ибо ты, видно, за что-то сердишься на меня, и я, ничтожный червь, должен быть благодарен за каждую крупицу твоего драгоценного внимания. Ты прав, осторожность и умеренность еще никому не сократила путь к Нергалу в зубы, а я туда не спешу, уж поверь… – Сказав это, Хадир тяжело вздохнул, уселся за стол напротив Конана и уставился на него печальными хмельными глазами, покаянно покачивая головой: – Если бы ты знал, как вовремя пришел сюда, как вовремя одернул меня, зарвавшегося и вознесшегося в непомерной гордыне! Я ведь совсем потерял голову, болтал невесть что, клялся именем Митры… Ох какие смешные и глупые слова я говорил…

Приумолкшая было в ожидании развязки компания расслабилась, зашевелилась, стряхивая

оцепенение. Раздались веселые возгласы, смех, забулькало вино, перекочевывая из кувшинов в чаши, и все, то и дело подхохатывая, принялись наперебой рассказывать Конану, какие уморительные клятвы давал тут Хадир до его прихода…

* * *

Пробираясь сквозь гомонящую толпу на базарной площади и вспоминая события прошедшей ночи, Конан ругал себя последними словами. Это надо же было так попасться! В два счета Хадир выманил у него это глупое обещание, о котором наутро почему-то (о, Конан прекрасно знал почему!) знала вся Пустынька. И вот теперь он с гудящей от боли головой тащился через весь Шадизар по жаре, а Лысый, прекрасно выспавшись, наверняка похмеляется в том же «Таракане», не без удовольствия смакуя скорую весть о бесславной кончине киммерийца. Уж куда было проще – припереть вчера Хадира к стенке и предложить на выбор: либо убраться из города, либо съесть немытыми собственные кишки. Так нет же, Нергал попутал ввязаться в дурацкий спор! И когда Конан поклялся выкрасть дочь наместника, Хадир, помнится, радостно всплеснул руками и громко, при всех, повторил свою клятву стать прахом у ног того, кто сумеет провернуть это дело. И, Кром свидетель, Лысый станет прахом, он таким прахом станет, ни один шакал в пустыне на него не польстится…

Солнце палило немилосердно, запахи благовоний, снеди, пота смешивались с запахом вьючных животных, продавцы и покупатели, надрываясь, перекрикивали друг друга. Озверевший от жары и головной боли Конан расшвыривал встречных, щедро раздавая подзатыльники и пинки, не разбирая, кто перед ним – мелкий ли торговец, увешанный связками бус, богатый ли купец, шествующий во главе целой свиты слуг, или совсем уж ни в чем не повинный раб-носильщик с тюком шерсти на голове. Вожделенный тенистый переулок на другой стороне площади был уже близок, когда кто-то осторожно потянул киммерийца за край одежды. С глухим рычанием он обернулся, собираясь расшибить наглеца в лепешку, и еле успел сдержаться, увидев перед собой примерно на уровне собственного локтя знакомое чумазое личико. Это был Ухарта, четырнадцатилетний сирота, обретавшийся в Пустыньке с малолетства и весьма искусный в воровском ремесле. Шныряя в поисках пропитания по всему Шадизару, он знал город, как собственную ладонь, и пару раз помог Конану выбраться из очень опасных переделок.

– Чего тебе? – бросил варвар на ходу, продолжая пробиваться сквозь кишащее людьми пекло.

– Конан, Конан, не ходи туда, слышишь? – Мальчишка упрямо засеменил за ним, путаясь в полах рваного халата.

Конан, не оборачиваясь, сгреб его за шиворот, подтянул к себе:

– Короче говори. Я к беседам не расположен.

– Там впереди люди Эдарта, – быстро забормотал подросток. – С площади уже не выйти, везде стражники, во всех переулках! Ловят кого-то…

– Меня это не касается.

– Ты, видит Митра, думаешь, что тебя с поклонами пропустят?

Парнишка был прав: светлейший Эдарт после вчерашней дерзкой выходки Хадира наверняка получил знатный нагоняй от наместника, а теперь городская стража бегает как ошпаренная, хватая всех, кто может быть как-то причастен к делу. Ох и обрадуются же они, зацапав мимоходом Конана, на которого Эдарт давно зуб точит! Киммериец кивнул Ухарте:

– Веди!

Тот, быстро оглядевшись, выбрался из толпы и нырнул в узкий проход между палатками торговцев. Конан протиснулся вслед за ним. Они быстро шли вперед, то и дело перепрыгивая через кучи отбросов. Ухарта уверенно выбирал дорогу в этом запутанном лабиринте, куда заходили лишь бродячие собаки да такие же бездомные мальчишки, как он сам. Мощный северянин спешил за ним, с трудом продираясь между стенками лавок и совершенно не представляя, в какую сторону ведет его Ухарта. Но подросток, похоже, знал, что делать. Преодолев бесчисленное множество вонючих щелей, где над полуразложившимися дохлыми кошками с низким жужжанием кружились густые рои мух, дважды проскочив под прилавками мимо остолбеневших торговцев, они очень скоро оказались у глухой каменной ограды караван-сарая, отделявшего базарную площадь от путаницы пыльных улиц южной части Шадизара.

Конан глянул вверх, прикидывая, сможет ли быстро преодолеть стену, но Ухарта потянул его вправо, туда, где в тени обветшавшего навеса кучей были свалены давно забытые хозяином полусгнившие бочонки. Опасливо оглядываясь на кожаный задник лавки, за которым продавец благовоний вел нескончаемый спор с покупателем, мальчик кивнул Конану на громадный деревянный жбан, стоявший под стеной. Киммериец, поднатужившись, откатил его в сторону, а Ухарта принялся разбирать кладку, отрывая тщательно спрятанный тайный лаз. Присоединившись к нему, молодой варвар с уважением подумал, что этот заморыш, не достающий ему до плеча, неплохо сумел устроить свою жизнь: сколько еще в Шадизаре таких лазеек, только Ухарте да богам ведомых! И ведь с умом все сделано: в жбане аккуратная дыра, щели между камнями, прикрывающими ход, замазаны глиной, да так аккуратно, что нарочно искать будешь – не найдешь! Из темного отверстия тянуло прохладой.

– Что внутри? – тихо спросил Конан.

– Кладовая. Там сейчас нет никого, не сомневайся, – так же шепотом отозвался Ухарта и, измерив взглядом широкие плечи Конана, уцепился за каменный блок на краю лаза.

Варвар, усмехнувшись, отстранил парнишку, взялся было сам, но тут в двух шагах от них, в лавке торговца благовониями, раздался тоненький взвизг, возня, звон бьющихся стекляшек, еще взвизг – и полный благолепного достоинства спор о цене вендийской амбры сменился градом проклятий, угроз и глухих ударов, посыпавшихся на голову воришки, видимо пойманного за руку, а теперь вопившего от боли и безысходности.

– А, козлиный помет, Нергал тебя забери! Сколько товару перебил, выродок, потроха вытрясу! – надрывался хозяин лавки, а покупатель вторил трубным басом:

– Вот по шее ему, по шее!

– Руки, руки крути! – советовал кто-то третий, подбежавший на шум потасовки.

Толпа быстро росла, и, наконец, случилось неизбежное.

– Расступитесь, именем Эдарта! – послышался окрик издалека, и в наступившей тишине, бряцая оружием, к палатке подошли стражники.

Конан и Ухарта переглянулись: закуток позади лавки явно стал не самым спокойным местом в мире. Люди светлейшего нынче особенно старательны, того и гляди им взбредет в голову выполнить свой долг, обыскав как полагается всю лавку и заглянув в кладовую… Конан с сожалением отпустил камень: придется лезть, как верблюду сквозь игольное ушко. Шкура-то поистреплется, зато голова на плечах останется. Ухарта, торопя, дергал киммерийца за одежду, но он, не желая оставлять открытым красноречиво зияющий в стене караван-сарая лаз, беззвучно поднял отодвинутый в сторону жбан и пристроил его почти на прежнее место. Ухарта восхищенно покрутил головой и юркнул в подвал. Конан, выдохнув, полез за ним, мысленно моля Крома не дать ему застрять в этой дыре, на потеху крысам.

* * *

В кладовой было темно, вкусно пахло мясом, и варвар со своим проводником, пробираясь между мешками и бочками, не преминули подкрепиться парой колбас с чесноком и перцем. Жуя, Ухарта вполголоса поведал Конану, что ключи от кладовой есть только у хозяина караван-сарая, а тот вместе с работником спускается сюда один раз в день – вечером, и потому сейчас им ничто не грозит. Выйти же отсюда знающему человеку очень просто, скоро Конан в этом сам убедится, вот только куда пойдет он среди белого дня – он, желанная добыча стражников?

– Не твое дело, – пробормотал киммериец, проглотив очередной кусок.

Улицы – не базарная площадь, там он найдет тысячу способов избежать ненужных встреч, добраться до дворца наместника и умыкнуть девчонку, даже если для этого придется поджечь Шадизар! А завтра Хадир, проснувшись поутру, обнаружит в своей конуре прекрасную девственницу, рыдающую от страха, и два-три десятка стражников, явившихся по ее следам! Вот тогда-то Лысый попрыгает, как скорпион на сковородке, доказывая, что он ни при чем!

– Дело, может быть, и не мое, – обиженно буркнул Ухарта, – да только знаю я одного человека, с которым тебе, Конан, полезно будет поговорить, прежде чем браться за такое…

– Что ты болтаешь, крысенок?

– Не болтаю, а правду говорю, о яростный тигр! Что ты знаешь о том, как добраться до нее? Ничего не знаешь!

– До… До… До кого это – «до нее»? – Конан прямо опешил: мальчишке-то откуда известно о его намерениях?!

– А то сам не понимаешь!

– Говори прямо, или мозги вышибу!

– Не сердись, могучий, а то вправду вышибешь – я и рассказать ничего не успею. Слушай: здесь неподалеку живет одна старуха, вот к ней нам и надо направиться…

– Нам? Никак, на дело со мной собрался? – нахмурился варвар.

– Дело-то свое сам сделаешь, – усмехнулся паренек, – а вот помощь моя тебе наверняка понадобится: без меня бабка ничего не расскажет…

Тут терпение варвара кончилось, и Ухарта, подбодренный затрещиной, коротко объяснил, что ночную беседу киммерийца с Хадиром он подслушал с чердака «Шустрого таракана», где оказался чисто случайно и без ведома Урдаши; что позавчера Лысый обещал убить его, бедного сироту, за некую глупую промашку, к теперь вся надежда Ухарты – на победу Конана в давешнем споре, ибо проигравший уже никому не сможет причинить вреда; что для исполнения задуманного Конану следует знать хотя бы расположение покоев во дворце, а узнать это можно простым и удобным способом: знакомая Ухарте бабка-повитуха, до недавних лет пользовавшая наложниц наместника, а Ухарту она привечает и помочь, надо думать, не откажется.

– Великий Митра! – вырвалось у Конана. – Да у тебя, парень, весь Шадизар в руках!

– Ну, весь не весь, – довольно хмыкнул мальчишка, – но до сегодняшнего дня я как-то дожил… А теперь, если ты согласен идти со мной, то нам пора: я слышу, стражники уже копаются под стеной…

От разобранного беглецами лаза действительно доносились приглушенные голоса: видимо, исполненные рвения доблестные защитники покоя горожан спорили, кто первым полезет в эту мышеловку. Мальчик и киммериец бесшумно скользнули во тьму. Через некоторое время Конан снова, как и на площади, потерял всякое представление о том, куда и в какую сторону ведет его маленький воришка. А чумазый знаток чужих подвалов уверенно и быстро лавировал между

грудами припасов, пока впереди не забрезжил дневной свет. Сквозь зарешеченное окошко под потолком погреба виднелась узкая улочка, волею Митры пустовавшая в то время, пока Ухарта без особых усилий вытаскивал едва державшиеся в гнездах прутья решетки, а Конан благополучно преодолевал тесноватое для него отверстие.

До дома, где жила старая повитуха, они добирались недолго, но и за это краткое время им трижды пришлось затаиваться, избегая встречи с патрулями, то и дело попадавшимися на пути. Удобный день выбрал Хадир, чтобы отправить ненавистного варвара в пасть к Нергалу, нечего сказать… Но – то ли Митра и впрямь оставил Лысого, то ли Крому еще не надоело следить за жизнью киммерийца – скоро они достигли цели.

Полдня повитуха молчала, словно немая, бросая на молодого незнакомца подозрительные взгляды. Конан с трудом сдерживался, чтобы не схватить старую ведьму за шиворот и не вытрясти из нее все, что она знает, даже если вместе со сведениями придется вытряхнуть из упрямой старухи и жизнь. С тех пор как он свалял дурака, попавшись в ловушку Хадира, ему то и дело приходилось сдерживаться: утром на базаре, теперь здесь… Куда проще было бы прорваться сквозь кордоны, окружавшие площадь, отшвырнув с дороги двух-трех стражников. Не поймали бы – кишка тонка. Куда проще было, не связываясь с вездесущим болтуном Ухартой, дождаться ночи и, проникнув во дворец через первую попавшуюся щель, самому разобраться, где тут наместникова дочка, чтоб ее…

Солнце перешло зенит, время утекало, а упрямая старая змея продолжала испытывать судьбу, пожимая костлявыми плечами и бормоча какую-то несуразицу в ответ на сладкие речи Ухарты и угрозы Конана. Как ни крути, а Хадир придумал хорошую шутку, подбив Конана на похищение: без хитрости и изворотливости тут не обойтись – если, конечно, не наделен даром проходить сквозь стены, – а хитростью юный варвар не обладал. Идти же вслепую привычной дорогой, напролом – даже для любимца всех хайборийских богов значило почти наверняка лишиться того, чем всякий мужчина, особенно молодой и полный сил, дорожит не меньше жизни. Поэтому Конан, усевшись на коврик в углу, стиснув зубы, ждал. Будь он один, он, наверное, давно отступился бы, но Ухарта, не унывая, терпеливо кружил вокруг дряхлой полубезумной женщины, как овод над буйволицей. Мальчишка неустанно расписывал храбрость и щедрость своего могучего друга, намекал на хорошие деньги, которыми тот в скором времени, несомненно, оделит ее, царицу среди повитух, рассуждал о том, что наместник Хеир-Ага, конечно, не добрый человек, раз она, охранительница здоровья многих его отпрысков, живет теперь в такой бедноте, и, коли так, Хеир-Ага заслужил, например, парочку красивых рогов, которыми наградит его один храбрец, если узнает побольше о расположении женских покоев, о женах и, кстати, о дочерях наместника… Ухарта заливался соловьем, заходил так и эдак, и старуха, наконец, уступила…

*** * ***

Вечерняя прохлада накрыла раскаленный город, залила густыми тенями узкие ущелья переулков, наполнила сумерками площади и сады. На торговых улицах зажглись огоньки факелов и замелькали красные платья гулящих девиц. Притихли богатые кварталы, готовясь ко сну, поручая свое имущество милости Бела и бдительности злобных псов, спущенных с цепей, едва последний луч солнца скрылся за горизонтом.

Неторопливо читал вечернюю молитву у себя во дворце Хеир-Ага – главный человек в

Шадизаре, хозяин бесчисленных сокровищ, владелец обширного гарема, родитель единственного сына и нескольких законных дочерей. Наместник просил богов вернуть ему милость повелителя, который в последние месяцы отчего-то перестал обращать внимание на некоторые нижайшие просьбы шадизарского сатрапа – не иначе как из-за происков врагов. Просил уничтожить, стереть с лица земли своих недругов, подобных низким шакалам, или хотя бы унизить их в глазах властителя Заморы. Еще Хеир-Ага просил всесильного Митру об успешном исходе дела, которое могло бы возвысить его и сделать вторым человеком в государстве. Речь шла о его старшей дочери, пятнадцатилетней Айсе, слава о красоте которой дошла до ушей владыки. Скоро счастливый отец отвезет дочь в Аренджун, и если слухи о ее прелестях не покажутся повелителю преувеличенными, то Хеир-Ага сможет надеяться на многое, даже – эх, подсобил бы немного Митра! – сумеет стать тестем высочайшего. О такой великой удаче, впрочем, рано было говорить с Подателем Жизни, который, как известно, не терпит заносчивых. Сообразив это, наместник торопливо попросил Владыку Света не сердиться. Потом, немного подумав, обратился с просьбой о везении к Белу и Иштар, пообещал им богатые дары в случае, если дело все-таки выгорит, и отправился спать.

*** * ***

Конан и Ухарта ничком лежали на гребне стены, окружавшей дворец. С одной стороны от них благоухали густыми цветочными ароматами ветви пышного сада. С другой, пыхтя и лязгая оружием, проходила пятерка стражников – одна из тех, что охраняли от всяческих напастей эту самую стену, сад, дворец и самого Хеир-Агу. Кроме них, сад, по словам старой повитухи, охраняли злобные сторожевые псы, а дворец – специально обученные телохранители, каждый из которых стоил десяти таких вояк, как те, что прошагали сейчас внизу и скрылись в темноте, так ни разу и не посмотрев наверх. Когда их топот затих, Конан прислушался. Слева, из-под темных крон деревьев, донесся тихий шорох, а затем послышалось тяжелое дыхание крупного зверя. Киммериец кивнул своему спутнику, мальчик медленно сунул руку за пазуху, достал что-то, затем негромко кашлянул. Огромный пес стрелой вылетел на открытое, освещенное луной пространство у стены, с размаху остановился, задрав голову, зарычал на непрошеных гостей, приготовился подпрыгнуть и достать наглецов, но вдруг, сделав два неуверенных шага в сторону, на третьем упал и затих, ткнувшись носом в траву.

– Действует порошочек-то. До утра проспит, – удовлетворенно прошептал Ухарта, вытирая ладонь об одежду.

– Тихо! – цыкнул на него Конан. Цыкнул, впрочем, скорее для порядка: спутника Кром послал толкового и полезного, сумевшего не только разговорить упрямую старуху, но и выпросить у нее с молодости еще припрятанный сонный порошок в маленьких хрупких кувшинчиках. На диво ценный порошок, всякий обитатель Пустыньки дорого дал бы за него, жаль только мало. – Жди здесь, – шепнул Конан и спрыгнул со стены.

В два прыжка он перемахнул лужайку и на мгновение замер, привыкая к душному сумраку, затем осторожно двинулся вперед. Сквозь густую листву с трудом пробивались лунные блики, выхватывая из темноты то искрящиеся струйки фонтанов, то угол беседки, увитой мелкими белыми цветами, то густые заросли остролистых кустов. Конан бесшумно скользил между стволами деревьев. Сонный покой сада нарушало лишь журчание многочисленных источников, но киммериец знал, насколько обманчивой бывает такая тишина, и ни на миг не позволял себе

расслабиться. Однако он беспрепятственно преодолел девять десятых пути, а ни собаки, ни хваленые телохранители Хеир-Аги так и не дали о себе знать.

Остановившись у внутренней решетки сада, Конан огляделся. Впереди, всего в десятке шагов, уходили в ночное небо глухие, покрытые сплошной вязью узоров стены Бирюзового покоя. Здесь располагались гарем наместника, комнаты евнухов, охраняющих женскую часть жилища сатрапа, а также домашнее святилище. Его зарешеченные окна слабо светились далеко вверху, под самой крышей. Эти пять или шесть узких окошек и были единственной лазейкой для того, кто желал пробраться внутрь, избежав встречи с усиленной охраной у ворот и не плутая по бесконечным коридорам мужской половины в поисках входа на женскую.

Окинув взглядом открывшуюся ему картину, Конан невольно помянул Крома: занятие предстало не из легких. Конечно, садовая решетка – невысокое, в человеческий рост, переплетение бронзовых цветов и листьев – никакой трудности не представляла и первый ярус дворца шел удобными уступами, по которым влезет любой ребенок, но дальше – отвесные каменные плиты, затканные тонкими, блестящими под луной узорами. Ни лепных украшений, ни плюща – не на что ногу поставить… Но лезть во дворец через парадный вход – самоубийство еще более верное, чем подъем по этой стене. Самое разумное – выбраться поскорее из сада и покинуть город. Или лучше найти в Пустыньке Хадира и попросту прирезать его, а после вырвать язык каждому, кто осмелится вслух назвать Конана клятвопреступником? Только в таком случае пришлось бы в первую очередь вырвать его себе!

Киммериец усмехнулся, покачал головой и решительно двинулся вперед, отбросив пустые размышления. Он сделал шаг к ограде и вдруг, едва услышав шелест за спиной, не успев даже толком понять, что это, стремительно бросился в сторону. И вовремя: лезвие меча свистнуло мимо лица, срезав с головы варвара прядь волос. Он, откатившись, одним прыжком встал на ноги, нырнул под вновь занесенный клинок и ударил противника в лицо, но кулак встретил лишь пустоту. Враг если и уступал Конану в силе, то был отнюдь не менее ловок: он резко нагнулся, и киммериец кубарем перелетел через него.

Рухнув в траву, Конан увидел на фоне усыпанного звездами неба взметнувшийся меч и, быстро сгруппировавшись, нанес обеими ногами удар в живот стоявшего над ним стража дворца, нанес почти вслепую, но удар, судя по всему, достиг цели: меч отлетел в сторону, а противник, охнув, шмякнулся на спину и исчез из поля зрения. Конан, мгновенно оказавшись на ногах, пригнулся, чтобы прыгнуть на него сверху и оглушить, но остановился в растерянности. С поверженным врагом творилось нечто странное: он, лежа на траве у самой ограды, судорожно подергивался и хрипел, а потом и вовсе затих. Киммериец ошарашено глядел на него, но тот не шевелился. На хитрость, уловку это похоже не было. Зато это очень походило на смерть. От удара в живот?!

Внезапно он понял, в чем дело, и, несмотря на завидно крепкие нервы, вздрогнул от запоздалой жуткой догадки. Подобрав валявшийся рядом меч стражника (свой он оставил у старухи, с собой взял только нож и кувшинчик с сонным порошком, тщательно завернутый в кусок мягкой кожи), Конан медленно пошел к решетке, водя перед собою клинком над самой землей. Наконец что-то звякнуло под ногами у самого сапога бездыханного противника. Варвар присел и, действуя по-прежнему только клинком, раздвинул траву. Тонкое острие торчало из земли на ширину ладони, не больше. Конец его, попав в лунный свет, масляно блеснул – густая темная жидкость каплей застыла на кончике. Слава Крому! Если бы ревностный телохранитель не поторопился напасть первым, он бы сейчас торжествовал победу, а Конан, проткнутый отравленными иглами, беседовал бы с Нергалом… Сомнительное удовольствие.

В саду все так же было тихо. Хорошо, что Ухарта уговорил его оставить оружие у повитухи: схватка, проходившая в полном молчании, ничьего внимания не привлекла. Кончиком меча

киммериец нащупал в основании шипа маленький диск, поддел его, вытащил острие и отбросил подальше.

Орудуя клинком, он выяснил, что шипами сплошь утыкана неширокая – в три шага в поперечнике – полоса вдоль ограды. Расчистив в ней проход, Конан аккуратно поднял за одежду своего неудачливого противника и на вытянутых руках отнес его в кустарник неподалеку. Вернувшись, тщательно проверил место, где тот лежал, и вынул еще два шипа, уже побывавших в человеческом теле. Затем подошел к решетке, воткнул меч у левого края расчищенного коридора и огляделся. На месте недавней драки – только примятая трава да воткнутый в землю меч. Если Бел будет милостлив, этот легкий беспорядок в саду останется незамеченным хотя бы до утра. За оградой – Бирюзовый покой, а перед ним – выложенная мрамором и ярко освещенная луной площадь. Из мраморных плит, похоже, никакие острия не торчат, но осторожность все-таки не помешает…

Конан, ухватившись за край решетки, перемахнул ее одним прыжком, в последний миг приостановил падение, повиснув на руках, и осторожно коснулся ногой ближайшей плиты, потом нажал посильнее. Ничего не произошло. Варвар отпустил кованые цветы ограды, ступил на соседнюю плиту. Та тоже, вопреки опасениям, спокойно выдержала вес киммерийца. Видимо, плит-ловушек – наступишь, и полетишь в кишащий змеями колодец – здесь не было. По всей вероятности, Хеир-Ага считал, что псов-людоедов, смазанных ядом игл и телохранителей, которые запросто могли бы прирабатывать в качестве наемных убийц, вполне достаточно для охраны его бесценной жизни.

Конан бегом бросился через площадь, спеша поскорее пересечь освещенное пространство, и скоро нырнул в тень. Первый ярус он преодолел легко, а на последнем уступе задержался ненадолго: вблизи стена предстала не столь гладкой, нежели казалась издалека. Хотя камни действительно пригнаны друг к другу вплотную, но узор из какого-то светлого металла, врезанного в них, выступал почти на ширину пальца. При желании за него можно было зацепиться, а Конан такое желание испытывал. Он начал подъем. Острые металлические пластины сразу впились в руки, сдирая кожу, но киммериец обращал на боль мало внимания. Его заботила лишь мысль о том, что в щелях между железом и камнем могли устроиться на ночь скорпионы, встреча с которыми на большой высоте добра не сулит.

Он вспомнил, как в детстве, пятилетним мальчишкой, лез на отвесную скалу за птичьими яйцами, а отец, стоя внизу, наблюдал, как сын, пыхтя и срываясь, упрямо ползет вверх. Конан добрался тогда до карниза, где гнездились карайты, отбился от возмущенных хозяев гнезда, набрал полную торбу яиц, а на обратном пути, одурев от усталости, схватился за какой-то, как ему показалось, сухой сучок, торчавший из расщелины.

Сучок оказался маленькой ядовитой змейкой, она цапнула его раньше, чем он успел отдернуть руку…

Конан усмехнулся, отгоняя воспоминания, и глянул вниз. Голубоватые, отчеркнутые густыми тенями ступени в основании стены были уже далеко. Над головой сияла серебристыми узорами последняя часть пути. Оставалось немного – четыре копья, не более, – но руки, изрезанные тонким железом, немели и, что хуже всего, не слушались. Стиснув зубы, он продолжал подниматься, с трудом сгибая окровавленные пальцы и ежеминутно поминая Крома. Наконец правая рука нащупала угол оконного проема. Конан подтянулся последний раз и осторожно заглянул внутрь.

Никого. Он отогнул тонкие завитки решетки и спрыгнул в прохладный, пахнущий благовониями полумрак. Неверные мерцающие огни яшмовых светильников змеились на резном камне колонн, их тени дрожали на стенах и ликах десятков идолов, охранявших жилище и судьбу Хеир-Аги. Конан оглядывался вокруг в поисках выхода, но взгляд бесплодно скользил по

цветистой мозаике стен, натыкаясь то на чудовищные груди Иштар, то на пустую курильницу у ног бронзового Бела, то на укрытое драгоценной иантской тканью плечо Митры и нигде не находя ни малейшего намека на дверь.

Тогда киммериец, пожав плечами, двинулся вдоль стены, внимательно осматривая каждую нишу, и, в конце концов, обнаружил замаскированный сплошной вязью узоров дверной проем с золотым засовом в форме птичьего клюва. Конан взялся за него и удивился тому, как прочно лежит в пазах эта хрупкая с виду вещь. Нажал посильнее – засов даже не шевельнулся. Немного встревожившись, варвар уперся в него плечом, надавил изо всех сил. Безрезультатно. Он быстро ощупал дверь, ища секретный замок, но ничего не обнаружил. Бело-голубые мозаичные квадратики не скрывали никаких механизмов. Похоже, выйти отсюда без посторонней помощи было невозможно: изнутри засов не отпирался, а если и отпирался, то любой чужак мог хоть до утра искать тот рычажок, за который нужно дернуть… Ну что ж, на грохот вышибленной двери, конечно, сбегутся местные любители отравленных шипов и отнимут у него немного времени, но не убираться же восвояси, в самом деле!…

Конан отошел на несколько шагов, примериваясь для удара с разбегу, но вдруг засов неожиданно дернулся и стал медленно приподниматься. Киммериец оторопело замер, а мгновение спустя, сообразив, что никакие, даже самые хитроумные, замки не открываются сами собой, отскочил в тень за колонну и притаился там, стараясь даже не дышать. Тяжелая створка плавно отворилась, послышался тихий шорох ткани, шаги. Глубокий женский голос произнес:

– Жди меня здесь, Хоран.

– Да, госпожа, – отозвался из-за двери невидимый Конану евнух.

Снова шаги. Женщина, закутанная в легкое, полупрозрачное покрывало, прошла в трех шагах от притаившегося юноши, направляясь к центру святилища, туда, где возвышалась окруженная плоскими блюдечками курильниц статуя Митры. Конан пристально разглядывал невысокую ладную фигурку, обращая мало внимания на прелести обитательницы гарема. Он, несомненно, высоко оценил бы их в другой раз и в иной обстановке, но сейчас его заботило только одно – не упустить бы чудесный случай, если вошедшая (немыслимо, конечно, но вдруг!) окажется той пятнадцатилетней девчонкой, за которой он охотится…

Чуда, впрочем, не произошло: обладательница такой осанки, походки, голоса могла быть первой женой наместника, или любимой наложницей, или кем угодно, но только не девственницей, едва оставившей ребячьи забавы. Да и главной приметы он не обнаружил: дочь наместника, по словам старухи, никогда не снимая, носит широкий браслет из ярко-синих камней, подаренный ей отцом в день четырнадцатилетия. Повитуха клялась, что второго такого украшения нет в Шадизаре: привезен откуда-то издалека и стоит огромных денег… На руках же незнакомки не было ни широких браслетов, ни узких – вообще никаких. Женщина вдруг остановилась, словно заколебавшись, потом обернулась так резко, что Конан едва успел исчезнуть из поля ее зрения:

– Хоран!

– Я здесь, солнцеликая Лаита! – Голос евнуха был чрезмерно угодлив, видно, его обладатель уже собрался прикорнуть, не ожидая новых распоряжений.

– Ступай, ты мне больше не нужен. Я буду молиться до утра. Можешь отдыхать.

– Да восславит Митра доброту госпожи! – восторженно пропел евнух и удалился.

Оставшись, как она думала, в одиночестве, женщина порывисто бросилась к изваянию Иштар и, распростершись на полу, страстно забормотала что-то на незнакомом варвару наречии, то ли моля, то ли проклиная… Конан выскользнул из-за колонны и скрылся в черном проеме двери, мимолетно порадовавшись религиозному пылу жены наместника, невольно избавившей его от ненужной встречи с евнухом, который, пожалуй, и защититься-то как следует не сумел бы.

Глухие стены узкого коридора были сплошь, снизу доверху, затянуты расписным шелком. Конан быстро шел мимо обрамленных цветами и птицами любовных сцен, считая открывающиеся по правую руку лестничные пролеты. Старуха очень подробно объяснила, как добраться до покоев Айсы: «…Из коридора вниз – двенадцать лестниц. Каждая в особый покой ведет. Ежели ты, красавец, мечтаешь о наместниковой дочке, стало быть, по пятой спускайся. Попадешь сперва на галерею, там уж увидишь… Галерея-то поверху идет, под потолком, а вход в ее спальню внизу как раз…» Конан уверенно следовал этим указаниям, не боясь забраться по ошибке в спальню какой-нибудь наложницы.

Свернув на пятую лестницу, он быстро сбежал по ней и, приостановившись под стрельчатой аркой, что вела на галерею, глянул по сторонам, проверяя, свободен ли путь. Поблизости никого не было: ряд витых золоченых столбов, соединенных невысокой решеткой перил, уходил к потолку – и нигде ни малейшего движения. Конан, пригнувшись, прошмыгнул к перилам, присел за ними, осматриваясь. Внизу расстилался громадный квадратный зал, украшенный причудливыми деревцами в фигурных кадках. Вход в покои Айсы, завешенный узорной тканью, находился как раз напротив, на той стороне зала, под золотым козырьком галереи… В центре, над круглой бирюзовой чашей бассейна, бил фонтан. Около него две полуобнаженные девушки – видимо, рабыни – склонившись над серебряным блюдом, раскладывали на нем фрукты.

Конан оглядел искусственный садик, ища возможности пробраться незамеченным, но деревца стояли так редко, что спрятаться за ними могла разве что муха. А рабыни, похоже, не спешили: болтали, пересмеивались, украшая горку хурмы черными гроздьями винограда. Глядя на их томные движения, варвар почувствовал смутную злость, ибо время шло, а дело не двигалось. Изнывая в своем ненадежном укрытии, он трижды проклял вздорный каприз дочери наместника, вздумавшей отведать фруктов среди ночи, сытую неторопливость служанок и свою собственную глупость, благодаря которой он сидит тут, как кролик в клетке у повара…

Наконец терпение киммерийца иссякло, и он решил пробраться к Айсе, не дожидаясь, когда уйдут рабыни, – Нергал знает, сколько они тут собираются ворковать! Пригнувшись, Конан двинулся в обход по галерее, не отрывая взгляда от девушек и замирая всякий раз, когда те оборачивались в его сторону. Никакой непосредственной опасности вроде бы не было, но какое-то неясное беспокойство одолевало Конана. Он перебрал в памяти все возможные ловушки, встречающиеся в подобных местах, но ни одну из них не могли устроить здесь, поблизости от покоев легкомысленной девицы, жизнь которой для Хеир-Аги, видимо, небезразлична.

Конан прекрасно это понимал, но кожей чувствовал какой-то подвох, неведомую угрозу, а источника ее не обнаруживал и раздражался все больше.

Источник обнаружился сам через несколько шагов. Обойдя зал поверху, дважды свернув за угол и оказавшись над вожделенным входом, Конан замер на полушаге, почти наткнувшись на вооруженного коротким мечом евнуха. Евнух, видимо, служил наместниковой дочке телохранителем: с удобного места над ее покоями был прекрасно виден весь зал и полутемная арка, сквозь которую Конан проник на галерею, и узкая лесенка, ведущая от арки вниз. Но страж, слава Крому, не бдел, охраняя сон драгоценной Айсы, а мирно дремал, привалившись спиной к стене. Рядом на коврике стояли пустая чаша и подносик с остатками сладостей. «Да, не пыльная у них тут работенка, нечего сказать, не пыльная, только вот зависти не вызывает… Вот спит человек, ничего не боится, сыт, одет, – но зависти ни малейшей не чувствуешь, и уж меньше всего на свете хотелось бы оказаться на его месте…» – мелькнуло в голове у киммерийца.

Конан, затаив дыхание, все ближе подбирался к спящему, то и дело косясь на хлопотавших внизу девушек. Если они заметят его, начнут визжать, и тогда все пропало… Евнух вдруг заворочался, забормотал, просыпаясь, и Конан, не успевший подойти достаточно близко,

бросился на него с пяти шагов, как кошка на птенца, ударил кулаком по бритому черепу и замер, придерживая обмякшее тело. В ту же секунду явственно послышался женский вскрик – заметили, к Нергалу их в глотку! Он глянул вниз в сторону фонтана, лихорадочно соображая, что делать дальше, но тут же расслабился: девушки, вопреки ожиданиям похитителя, не метались и не вопили, тыча в него пальцами, а деловито семенили к покоям хозяйки, прихватив поднос, полный вымытых плодов. Судя по всему, к ним, а не к Конану относился оклик, происшествие же на галерее осталось незамеченным. Повезло…

Киммериец прислонил оглушенного евнуха к стене, придав ему небрежную позу сладко дремлющего человека, и отошел к балюстраде. Внизу раздавались приглушенные голоса, но беседа хозяйки с рабынями длилась недолго. Очень скоро обе, к удовольствию Конана, убрались наконец восвояси. Когда они, поднявшись на галерею на той стороне садика, одна за другой нырнули в темный проем арки, ведущей на лестницу, он подождал еще немного, а затем вскочил на перила, собираясь спрыгнуть в зал, но тут под ногами зашуршала ткань занавеса, и из покоев вышла девушка.

Айса? Конан, застыв на месте, напряженно вглядывался, сверяя приметы: закутана в легкое покрывало с головы до ног, тонкие руки обнажены по локоть и на правой мерцает голубоватым светом тяжелый браслет – тот самый, нет сомнения! Красивая вещь и – даже ребенку понятно – дорогая, очень дорогая… В Шадизаре не продашь, но проезжие купцы выложат за браслет намного больше, чем за девчонку, которую Конан, кстати, продавать не собирался. Девчонка отделается легким испугом и завтра же окажется дома, только без отцовского подарка…

Ничего не подозревающая дочь наместника шла через зал, направляясь к выходу, а поверху, невидный и неслышный, скользил Конан. Девушка не спеша поднялась на галерею, и тогда киммериец, в три прыжка преодолев разделявшее их расстояние, бесшумной тенью вырос у нее за спиной. Что произошло дальше, Конан понял не сразу, а когда понял, обозлился, как никогда в жизни: в последнее мгновение Айса, словно затылком увидев чужака, шарахнулась в сторону. Бросок варвара пропал даром, а девушка, пнув его коленом в самое чувствительное место, взлетела по лестнице вверх и бросилась бежать по коридору в сторону святилища. Удар был не силен, но его хватило, чтобы ошарашить Конана, не ожидавшего от своей жертвы этакой прыти. Зарычав от боли и ярости, он кинулся следом, кляня все на свете и моля богов об одном: чтобы эта не по возрасту шустрая дрянь не сообразила позвать на помощь раньше, чем он ее догонит.

Светлое покрывало Айсы мелькало впереди. Конан громадными прыжками несся за нею, но в узком, дугой изогнутом коридоре громадному северянину было трудно разбежаться как следует. Айса мчалась во весь дух, как газель от тигра, и расстояние между ними сокращалось намного медленнее, чем хотелось бы кипящему от стыда и бешенства киммерийцу. Но удача все-таки сопутствовала ему, если можно говорить об удаче в такой позорной переделке: девушка не свернула ни на одну из боковых лестниц и, по-прежнему не издавая ни звука, побежала прямиком к святилищу. Молится ли там до сих пор наместникова жена, Конана уже не волновало. Если ему, чтобы поймать наглую девчонку, придется переловить всех баб во дворце, видит Митра, он это сделает!

Айса с разбегу подлетела к двери в конце коридора, надавив на ручку, распахнула ее и юркнула внутрь. Створка лязгнула перед носом у Конана. Он, стараясь в точности повторить движение девушки, тоже нажал на витую скобу, что-то щелкнуло, дверь подалась вперед, и Конан ворвался в святилище. Впереди, перед рядами идолов, никого не было. Задвигая засов, варвар глянул влево и мгновенно понял, почему не кричала, не звала на помощь Айса: ей чужая помощь не требовалась. Девушка стояла в десяти шагах от Конана, а рядом с ней медленно и бесшумно открывалась узкая щель в стене – тайный ход, о котором ничего не знала старая повитуха. Сейчас девчонка окажется в безопасности, а вор, посягнувший на честь домочадцев Хеир-Аги,

останется здесь ждать расправы… Вот змея! В Пустыньке ей бы цены не было!

Конан, выхватив из-за пояса пузырек с сонным порошком, швырнул его в мозаичный цветок над головой Айсы. Посыпались осколки, маленькое облачко белой пыли повисло в воздухе, и дочь наместника, рванувшаяся к спасительной щели, словно споткнулась на ровном месте, упала на колени, попыталась встать, но вместо этого зевнула и растянулась на полу, сладко посапывая. Прозрачный туман над ней слегка всколыхнулся и пополз в черную щель, уносимый сквозняком. Конан, опасливо покосившись на него, задержал дыхание и шагнул к спящей девушке.

*** * ***

Близился час четвертой свечи, улицы совсем опустели. Город бормотал и похрапывал во тьме, ровно дышал за закрытыми ставнями, причмокивал, ворочался с боку на бок. Даже молчаливые сторожевые псы дремали вполглаза во дворах с высокими изгородями, лениво прислушиваясь к никогда не прекращающейся мышиной беготне.

На окраине окутанного ночью Шадизара, в кривом переулке, который выходил на заросший колючками пустырь, прогуливался взад-вперед человек. Был он ничем не примечателен: роста среднего, не толст и не худощав, одет в самую обычную темную хламиду – из тех, что набрасывают на себя в прохладную погоду горожане среднего достатка. Однако, появись здесь случайный прохожий, он бы весьма удивился, увидев, как человек этот бродит вдоль глухой стены, поминутно вздрагивая, оглядываясь и плотнее кутаясь в свое одеяние. А зачем, скажите, в такую душную ночь обливаться потом под жаркой верблюжьей шерстью? Зачем шататься, дрожа от страха, по небезопасным для одинокого путника переулкам? Не лучше ли вместо этого коротать ночь дома или в караван-сарае, за надежно запертыми дверями? Конечно, лучше, много лучше! Так подумал бы случайный прохожий и благоразумно поспешил бы прочь, подальше от неприятностей, подальше от запаха опасности, который прямо-таки источала прятавшаяся в густой тени фигура…

Человек в верблюжьей хламиде явно боялся чего-то, очень боялся, но никуда не уходил и продолжал мерить шагами выщербленную мостовую. Часто он останавливался, ловя обострившимся слухом ночные шорохи, резко оборачивался, словно ожидал нападения сзади, но по-прежнему видел перед собой лишь пустую улочку, перечеркнутую полосами мрака. Он ждал. Ждал давно, все сроки ожидания уже прошли, и нервы его натянулись, как веревка на шее висельника. Вдруг кто-то завозился над его головой, сверху посыпались песок и мелкие камушки. Человек, сдавленно вскрикнув, отпрыгнул на середину переулка, и в руке его задрожало лезвие ножа.

– Спрячь оружие, глупец. Если ты ждешь меня, то тебе нечего бояться, – презрительно рассмеялся появившийся на гребне стены невысокий крепыш.

Стоящий внизу, задрав голову, некоторое время вглядывался в освещенный луной силуэт, потом сипло попросил:

– Назови себя.

– Сначала ты.

Молчание. Не дождавшись ответа, крепыш пожал плечами:

– Ну как хочешь. Я ведь могу и уйти…

Он повернулся, собираясь снова скрыться, но человек в хламиде торопливо произнес:

– Я Нариб, десятник городской стражи! А ты?

– Хадир по прозвищу Лысый. Не узнал? – Крепыш, опять рассмеявшись, уселся на стене.

Нарибу эта веселость, видно, не понравилась. Он кашлянул, прочищая пересохшее горло:

– Да нет, узнал. Для уверенности спрашиваю. Деньги с тобой? Почему вниз не спускаешься? Я не трону тебя, клянусь… Иди сюда, поговорим!

– Не тронешь, будь уверен.- Хадир сидел неподвижно, не обнаруживая ни малейшего желания последовать приглашению. – Деньги ты получишь, но сначала я должен знать, что работа сделана.

– Она сделана, Хадир! Как ты можешь сомневаться?!

– Где он? – Голос Лысого дрогнул от нетерпения, и закутанный в верблюжью шерсть стражник, отметив плохо скрытую торопливую жадность собеседника, тут же приободрился:

– К чему спешишь, уважаемый, – любезно начал он, – к чему волноваться? Слава Митре, все происходит как нельзя лучше для тебя и для меня, и оба мы скоро сможем достичь желаемого, не так ли? – Нариб помолчал немного, вглядываясь в темный силуэт над стеной, и, не дождавшись никакого ответа, продолжил: – Все исполнено. Конан выбрался из дворца целый и невредимый… Хе-хе, не знаю, как он туда проник, – это пусть заботит смененного мною десятника… Но клянусь тебе, полчаса назад северянин удалился прочь от дворца наместника со здоровенным тюком на плече. С ним еще был какой-то мальчишка. Об этом ты не знал?… Да, Хадир?… Не говоришь… Ну, впрочем, неважно. Конан вместе с тюком и мальчишкой спрятался… Э-э-э… Не слишком далеко отсюда. А теперь я хотел бы для начала увидеть деньги, которые ты, судя по твоим словам, принес!

Над улицей повисло молчание. Несмотря на духоту и теплый плащ холодная дрожь пробегала по спине Нариба: в томительной тишине он пытался понять, как поведет себя Хадир в ответ на такие речи. Сомнения терзали душу десятника с раннего утра – с того самого часа, как неприметный старикашка в замасленном халате бесстрашно явился к воротам его дома и предложил от имени Лысого громадные деньги за некую тайную услугу. Нариб согласился немедля, ибо почуял в этой сделке возможности, обещавшие не только богатство, но и изрядное повышение по службе – стоит лишь изловчиться да рискнуть…

Десятник тщательно подготовился к исполнению задуманного: Конан покинул дворец никем не замеченный (как и договаривались с человеком Хадира), затем Нариб выследил киммерийца и явился сюда, дабы указать Лысому убежище Конана и получить обещанные деньги. Таков был уговор. На самом деле план Нариба простирался дальше: близ старой хибары, где спрятался Конан, стоит сейчас небольшой отряд стражников и ждет сигнала, чтобы накрыть одним махом и варвара-северянина, и ушлого Хадира. За головы обоих светлейшим Эдартом назначено знатное вознаграждение, да еще выманить бы у Лысого обещанную плату за услугу, да добавить к этому почет и благосклонность светлейшего – стоит похлопотать, нечего и сомневаться. Вот только бы не выхлопотать вместо всех благ кинжал под лопатку!

Хадир все молчал, размышляя о чем-то. Нариб поежился и поудобней перехватил рукоятку ножа под хламидой. Кашлянул.

– А что, если, – внезапно подал голос один из самых удачливых шадизарских воров, – что, если киммерийской собаки не окажется там, куда я отправлюсь по твоей указке?

– На все воля Митры, уважаемый, – бодро отозвался десятник, в мыслях помянув Нергала, ибо тон сказанного добра не сулил, – но клянусь, я именно там его оставил. Впрочем, если ты намерен сидеть на стене до утра, то, боюсь, никакая собака не станет тебя дожидаться!

Сказал и вздрогнул, и снова облился холодным потом, ибо на тихий свист Хадира мгновенно возникли над темным гребнем стены четыре или пять молодцов, спрыгнули вниз, окружили трепещущего стражника. Глухо звякнуло что-то, и у ног его оказался объемистый, тяжеленный с виду кошель.

– Получишь все! – Лысый, уже стоявший на земле среди своей шайки, пнул кошель носком сапога. Опять звякнуло. – Но не раньше, чем я найду киммерийца. Веди.

Нариб помялся для виду. В глубине души он был доволен. События разворачивались именно так, как следовало: до тех пор, пока Хадир не знает про ту хибарку, жизнь Нариба в безопасности. А когда они придут на место и золото окажется в руках десятника, он уж постарается заполучить вдобавок к деньгам и самого Хадира, и Конана! Вознаграждением, правда, придется поделиться с подчиненными, но хадировские денежки будут его, только его, кровненькие! Лишь бы Лысый не почуял подвоха раньше времени…

– Погоди, уважаемый, мы так не договаривались… – начал Нариб и осекся, словно бы только сейчас сообразив, что в его жарком одеянии могут появиться две-три лишние дырки. Искоса глянув на сомкнувшихся вокруг шакалов Хадира, он вздохнул сокрушенно: – Впрочем, я понимаю твое беспокойство, и, раз уж ты настаиваешь, провожу вас…

С этими словами десятник нехотя повернулся и пошел вдоль улицы. Шайка немедленно двинулась за ним, а Хадир беззвучно расхохотался в спину собеседнику: этот дурак, вообразивший себя великим ловкачом, так старательно играет ему на руку, что любо-дорого смотреть! Лысый прекрасно знал про убежище киммерийца и стражников, затаившихся близ убежища, а также про страсть Нариба к деньгам и почету, которую десятник давно и безуспешно пытался удовлетворить. Что ж! Денег десятнику не видать, а почет… Почет – пожалуйста! Пусть приводит свою одуревшую от ожидания команду, пусть хватает варвара с поличным… Но сначала в хибаре побывает он, Хадир, и заберет с руки наместниковой дочки одну дорогую безделушку, об истинных свойствах которой никто в Шадизаре, слава Белу, знать не знает! А к утру каждый получит то, что ему причитается: Нариб – подачку от начальника стражи, Конан – позорную смерть, а Хадир… О-о-о! Он-то к утру уже покинет Шадизар, спрятав за пазуху браслет, открывающий перед мудрым владельцем двери всех сокровищниц мира! Лысый удовлетворенно осклабился и поспешил за десятником.

* * *

Маленький бродяга и дюжий варвар с ношей на плече проскользнули по улицам города неслышно, незримо и стремительно, словно две водяные змеи по дну темной заводи. Следуя за Ухартой, Конан с завистью и каким-то ревнивым восхищением думал, что этому заморышу ни сила, ни воинское умение не нужны – он и так сквозь замочную скважину пройдет, да еще караван верблюдов с собой протащит… Щуплый подросток в развевающемся халате мчался впереди и, едва заслышав шаги ночного патруля или случайного прохожего, молниеносно сворачивал в какую-нибудь неприметную щель между домами, в переулок, просто в чужие двери, где серьезных сторожевых псов почему-то ни разу не оказалось – все мелкие шавки… Когда они, прижавшись к стене в узком коротком тупичке, пропустили мимо пятерку тяжело сопевших стражников, Конан не удержался и шепотом спросил:

– Ты и собак в Шадизаре всех знаешь?

– Знаю, – без тени улыбки ответил Ухарта и протянул киммерийцу меч, который он на обратном пути забрал из дома повитухи, да так до сих пор и не успел отдать варвару. – Возьми. Тяжелый.

Конан половчее устроил на плече дочь наместника и, опоясываясь, только головой качал от веселого удивления: всех собак… меч ему тяжелый… с-сиротинуш-ка! Они снова пустились в

путь и скоро очутились в воровском квартале. Пнув покосившуюся дверь древней лачуги, ничем не выделявшейся среди толчеи давно заброшенных домишек на берегу сточной канавы, Конан ввалился внутрь и, ногой сбросив вонючее тряпье с узкого настила в углу, опустил на него свою ношу. Затем он обернулся к Ухарте, который замер у входа, прислушиваясь. Киммериец замер тоже, ловя ухом случайные шорохи, но, кроме мышиной возни где-то под полом да тихого дыхания пленницы, не услышал ничего. И Ухарта, надо думать, не услышал, поэтому, встряхнувшись, молча занялся халатом, изрядно пострадавшим в переделках нынешней ночью.

Конан пробрался к дальней стене, где в темноте тускло поблескивала слежавшаяся груда ржавого хлама. Перебирая и отбрасывая в сторону дырявые кувшины, мятые, будто их кто-то жевал, блюда, глиняные черепки с присохшими остатками еды многолетней давности, он слушал, как выжидательно молчит за спиной Ухарта – мол, что дальше делать будешь? – и все яснее понимал, что знакомую, привычную работу он уже сделал, а теперь предстоит действительно невозможное – подловить ловкача Хадира! Да так подловить, чтобы тому кинуться было некуда, щели чтоб не осталось, в которую уползти… Ничего подобного киммерийцу в жизни делать не приходилось, и как следует поступать, он не знал. Но не у пацана же приблудного, не у сопляка же спрашивать! Он, наконец, нашел то, что искал, – покореженную лампу с огарком свечи. Возясь с огнивом, через плечо спросил Ухарту:

– Где ночует Хадир, знаешь?

– Знаю, близко здесь… – невнятно пробормотал мальчишка, зубами отдиравший безнадежно порванный рукав.

– Сейчас пойдешь проверишь, там ли он. Спит ли. Есть ли с ним кто. Все узнаешь и вернешься сюда. Быстро.

Огонек свечи вспыхнул, затрепетал, потрескивая. Света было немного, но достаточно, чтобы увидеть, как на лице Ухарты разгорается хитрющая улыбка:

– Так вон ты что задумал! Подбросить? – Он мотнул головой в сторону спящей и захохотал в кулак: – А я стражу наведу! Лысый-то проснется…

– Много болтаешь, – оборвал Конан. – Иди. Ухарта восторженно закивал и шмыгнул за дверь, все еще тихо пофыркивая от смеха. Переждав немного, Конан подошел к пленнице, поднял повыше светильник. Девушка лежала на спине, закутанная в дорогую ткань, недавно украшавшую статую Митры в Бирюзовом покое. На чуть свисающей с ложа руке мягко светился тяжелый обруч. Киммериец потянулся было к нему – снять, но передумал: вспомнил вдруг, что в городе ходят легенды о красоте наместниковой дочки, и любопытство одолело, захотелось взглянуть, так ли хороша девушка, как говорят… Браслет потом, с браслетом успеется…

Он откинул тонкую материю, наклонился, разглядывая, – и разочарованно усмехнулся: все южане горазды разносить бабьи сплетни, но шадизарцы, видать, равных себе не знают… Личико худое, смуглое, с резкими чертами – мальчишке впору, вроде бы даже темный пушок над верхней губой… Или тень легла?… Конан нагнулся ниже, поднес огонь к щеке Айсы…

Тогда-то и случилось то, о чем он впоследствии вспоминал неохотно, а тем паче никому не рассказывал: двумя мгновенными точными ударами девчонка выбила из его руки светильник и двинула острым локтем в низ живота. Конан, нечленораздельно мыча проклятия, зашарил в темноте по лавке, собираясь вытрясти из Айсы дурь и самым простым способом объяснить ей, кто тут главный, но успел поймать лишь покрывало, ибо воинственная девица, ухватившись за рукоятку меча, бросилась на пол под ноги варвару. Конан, споткнувшись, грохнулся на ложе, а меч остался в руках у противницы. Киммериец никогда не поднимал руки на женщину, но дважды оскорбленное за нынешнюю ночь мужское достоинство возопило об отмщении, и он, не разбирая дороги, рискуя разбить себе голову о противоположную стену, ринулся вслед за невидимой Айсой, желая одного: сейчас же изловить эту дрянь и научить ее уважать гордость

воина…

Но то ли девушка до странности быстро освоилась с тяжелым оружием, то ли умела обращаться с ним раньше – воющий звук вспарываемого лезвием воздуха заставил Конана остановиться, впрочем, ненадолго: киммериец сдернул пояс, на котором болтались пустые ножны, и, раскрутив его перед собой, попытался захлестнуть клинок Айсы. Это ему удалось, правда, лишь отчасти: свист, резкий рывок – и в кулаке у варвара остался коротенький, не длинней воробьиного хвоста, обрубок кожаного ремня. Ножны глухо ударились в потолок и загремели в куче посуды за спиной, едва не задев его по макушке. Пригнувшись, дрожа от ярости, Конан отскочил назад и прорычал сквозь зубы:

– Успокойся, ты, гадюка… Или я убью тебя, слышишь?!

– Только подойди, подонок, дерьмо шакала, я тебе кишки выпущу! – раздалось в ответ из угла.

Киммериец замер, как оглушенный. Дело было не в ужасающей наглости сказанного, нет, Конан даже не расслышал обращенных к нему слов, настолько поразил его тембр голоса дочери Хеир-Аги.

– Повтори… – пробормотал он, встряхнув головой, чтоб успокоить шумящую в ушах кровь.

– Отойди с дороги, вонючая собака! – немедленно отозвался ломающийся юношеский басок. Обладатель его явно трясся от страха, явно собирался дорого продать жизнь и столь же явно не мог быть ни Айсой, ни какой-либо другой дочерью наместника. И вообще – ничьей дочерью.

– Ты кто? – с трудом выдавил Конан. В углу молчали, тяжело дыша.

В памяти киммерийца замелькали разрозненные обрывки воспоминаний: нежный девичий голос, окликающий невольниц, браслет на тонком запястье, громадные от испуга глаза в полумраке святилища… Стремительная бесшумная погоня по коридорам гарема, свист меча в умелой руке… Удар коленом в пах…

Судорожно пытаясь свести концы с концами и чувствуя, что не в силах постичь происходящее, Конан открыл было рот – спросить все равно о чем, услышать ответ, прогнать наваждение, но затаившийся у стены мальчишка дернулся в сторону, и киммериец инстинктивно, вслепую чиркнул ребром ладони по воздуху, защищаясь от собственного меча. Соперник болезненно вскрикнул, и Конан, услышав, как упал под ноги выбитый клинок, бросился на крик, поймал край женской одежды.

Парень рванулся и, высвободившись, шмыгнул к полуоткрытой двери. На мгновение мелькнул в проеме его силуэт, потом скрылся – и тут же раздался глухой удар, полузадушенный вопль, еще вопль, возня…

Конан выскочил на глухую черную улицу, сгреб в охапку яростно сцепившихся в пыли беглеца и Ухарту, внес их обратно в лачугу. Затем он метнулся к ложу, нашарил светильник, захлопнул дверь и, привалившись к ней, неторопливо разжег огонь. Два подростка катались по полу, переплетясь в причудливый клубок ног, рук, лохмотьев и тонкой узорчатой ткани. Незнакомец, несомненно, ловко обращался с боевым оружием, но в жесткой уличной драке без правил Ухарта быстро одолел его, прижал к лопатке выкрученную руку противника и, приподнявшись, с интересом уставился на браслет, украшающий исцарапанное запястье. Конан молча прошел через комнату, подобрал меч, вернулся к двери и велел Ухарте:

– Отпусти его.

Тот поднял глаза, взглянул варвару в лицо, улыбнулся легко и загадочно, но не сказал ничего. Потом он отпустил юношу, отошел к ложу и уселся там, спрятав подбородок в колени. Конана неприятно задела эта улыбка – словно Ухарта знает что-то, чего Конану знать не дано. Впрочем, сейчас у киммерийца были дела поважнее, и он, отогнав неясное беспокойство, обратился к

пленнику:

– Кто ты?

Мальчик медленно поднялся на ноги, стряхнул с плеч остатки женского тряпья, неторопливо обмотал им бедра. С ненавистью, исподлобья посмотрел на Конана, потом, потеряв на миг самообладание, стрельнул глазами по сторонам. «Выход ищет», – догадался киммериец и сказал:

– Окон здесь нет.

Лицо парня дрогнуло и тут же сделалось непроницаемым. Он замер, глядя прямо перед собой, на скулах заходили желваки. Конан смотрел на пленника почти с симпатией: умеет мальчишка держаться. Здесь, в городах Заморы, нечасто встретишь мужчину, способного вести себя как подобает воину. Время, однако, шло… Ночь катилась к рассвету, и спор с Хадиром был безнадежно проигран. Оставалось одно – забрать браслет и уходить из Шадизара, или… Или перебить шайку Лысого и, опять же, уходить из Шадизара, ибо нарушителя условий спора, скрепленного именем Митры, будет ждать нож за каждым углом. Но, Кром, есть же какой-то третий выход, и нужно его найти!

– Скажи, кто ты? – терпеливо повторил Конан. – Я не причиню тебе зла! Скажи!

– Ты дашь мне выйти отсюда, если я скажу? – хрипло спросил мальчик.

– Да.

– Я Айсор.

Конану это имя ни о чем не сказало, он оглянулся на Ухарту, но тот лишь пожал плечами да поднял брови. Пленник презрительно раздул ноздри и пояснил:

– Сын наместника.

Повисло молчание. Конан мрачно воззрился на собеседника, соображая, какую выгоду можно извлечь из такого поворота дела, а Ухарта, смекнув что-то, быстро спросил:

– Близнецы?

Айсор усмехнулся и, не повернув головы, бросил:

– Да, Айса сестра мне. – И добавил, обращаясь к киммерийцу: – Так что ты обознался, чужестранец.

Он хотел еще что-то сказать, но Ухарта взорвался от хохота, сквозь смех выкрикивая:

– Ты!… Сын наместника!… Шляешься среди евнухов… В… Ой!… В женской одежде!…

Тут сохранявший до сих пор неподвижность каменного изваяния Айсор взвился от ярости до потолка, подлетел к Ухарте и, схватив его за грудки, прошипел:

– Заткнись, крысенок! Не твое дело!

Он бы размозжил Ухарте голову о край ложа, но Конан отшвырнул его в угол и сказал, поигрывая мечом:

– Снимай браслет и убирайся.

– Нет! – вскрикнул Айсор, схватил первый попавший под руку расколотый кувшин и выставил его перед собой.

Конан покачал головой:

– Я не стану с тобой драться. Ты хотел уйти? Оставь браслет и иди.

– Ха! – Ухарта уже стоял у двери, ехидно ухмыляясь. – Ты понял, мы тебя не убьем! Ты просто останешься здесь, с нами, пока не снимешь браслетик и не отдашь!… Хоть до утра! А утром… Слышишь ты, сынок Хеир-Аги? Утром во дворце проснутся, правильно? И что будет дальше – ты понимаешь, да?

Конан слушал Ухарту с нарастающим удивлением: сам он ровным счетом ничего не понимал, но Айсор, видимо, понял. Он посмотрел на них с безнадежным отчаяньем и сполз по стене на пол, пробормотав проклятие. А потом быстро и сбивчиво рассказал все: как давно

заглядывался на одну из отцовских наложниц, и как сестра сжалилась, разожгла страсть прекрасной Лаиты рассказами о юной красоте брата, и как помогла ему пробраться на женскую половину, дала свою одежду и браслет – потому что они близнецы, и очень похожи, и его в сестриной одежде евнухи не узнали бы, а теперь сестра ждет, когда он вернется. Если он не вернется до утра или придет без браслета, гнев Хеир-Аги будет страшен, и им обоим – Айсору и сестре – не жить тогда… Прошептав последние слова, юноша помолчал немного и виновато добавил:

– Да я браслет и снять-то не могу… Замок хитрый… Только Айса умеет…

В наступившей тишине громадный варвар медленным кошачьим шагом прошелся от стены до стены, стискивая эфес меча так, что слышен был хруст – то ли суставов, то ли стали, – встал над дощатым пустым ложем и вдруг, коротко выкрикнув что-то на родном наречии, одним страшным ударом клинка разнес лавку вдребезги и рывком вложил оружие в ножны. Потом он пнул ногой обломки и обернулся к побледневшему Айсору:

– Уходи.

Мальчик, не веря в спасение, еще только поднимался с пола, когда Конан быстро пересек комнату и, оказавшись перед Ухартой, сторожившим вход, буркнул фразу, смутно напоминавшую слова благодарности и прощания, потом отодвинул своего верного помощника с дороги, протянул руку к двери – и остановился в недоумении. Легкого движения мощной ладони было достаточно, чтобы худенький подросток отлетел шагов на пять, однако Ухарта не двинулся с места, будто и не почувствовал толчка. Северянин нетерпеливо схватил его за плечо, дернул посильнее – бесполезно, ладонь словно уперлась в каменную плиту. Что за наваждение…

Бесстрашный воин вгляделся в стоящего перед ним – и волна холода прошла по коже. За спиной сдавленно ахнул Айсор. Отступая назад, невольно схватившись за меч, киммериец смотрел, как меняется лицо Ухарты, как заостряются уши, вытягивается подбородок, загораются красными угольками зрачки и вырастает, разворачивается в плечах тело… Существо с сильным юношеским торсом и головой лисицы смерило взглядом замерших от изумления людей, звериная пасть искривилась в усмешке, обнажив мелкие острые зубы.

– Что, Конан из Киммерии? Хочешь спросить, кто я?

Конан молчал.

– Вижу, что хочешь… – Лисица визгливо захихикала. – Ты сегодня то и дело всех об этом спрашиваешь, не правда ли? Давай сыграем: ты угадаешь, кто я, и я расскажу тебе об опасности…

Конан мгновенно напрягся, выхватил клинок, но существо качнуло головой:

– Не спеши! Твои враги близко… Если будешь терпелив, я помогу тебе с ними справиться, а пока не спеши, киммериец… – Заросшая темно-рыжей шерстью морда повернулась к Айсору: – Кстати, мальчик, браслет Айсы некогда был похищен из святилища одного бога, знаешь ли ты об этом?

Глаза сына Хеир-Аги расширились:

– Ты…

– Я пришел за ним.

– Ты…- Айсор с ужасом смотрел в красные зрачки. – Ты… Бел?!

Снова раздался неприятный, режущий смех:

– Смотри-ка, угадал! Люблю, когда меня узнают… Подойди, не бойся: не ты его похитил, и не ты будешь наказан.

Айсор повиновался, на негнущихся ногах приблизился к смеющемуся, протянул руку. Тот шевельнул длинными пальцами, и браслет, тихо щелкнув, упал с запястья мальчика в ладонь бога воров. И тогда Бел, покровитель всех ищущих выгоды за счет чужого кармана, обратился к

Конану:

– Сказать тебе, варвар, кому удалось обмануть меня, украв мое украшение? Некоему Хадиру по прозвищу Лысый… – Конан вздрогнул, а бог с головой лисицы кивнул понимающе и продолжил: – Этот человек думал, что будет владеть им вечно. И вечно стоять на пути удачи, ибо браслет помогает выходить из любых переделок… Украсть-то украл, а удержать не смог, потерял сразу, не успев воспользоваться, – вот и мечется с тех пор по семи странам, ищет… Ха! Ловкач – а глупец! Я несколько сладчайших лет от души веселился, наблюдая за ним, да теперь мне эта игра надоела, и я из нее выхожу! И тебе советую, Конан, – в маленьких прищуренных глазках мелькнула ирония, – не для тебя такие забавы! – С этими словами Бел повернулся, чтобы уйти, но остановился вдруг и снова затрясся от смеха: – Надо же, чуть не забыл! Хадир здесь, прячется поблизости… С ним – самый жадный из десятников, желающий к тому же стать самым богатым. А там, – рука в браслете указала куда-то вправо, в уличную темь, – отряд стражников. Сидят тихо, ждут сигнала, чтобы накрыть всех, кто здесь есть… Я провел сегодня забавный день, Конан, и хочу отблагодарить тебя: возьми вот это, – Бел бросил на пол невесть откуда взявшуюся массивную золотую цепь с медальоном, – передай Хадиру. Он очень удивится! И уноси ноги, об остальном не беспокойся! А ты, Айсор, не беспокойся за сестру, с ней ничего не случится, обещаю!…

Бог шагнул наружу и исчез, словно растаял в воздухе.

Лицо Конана потемнело от гнева: он наконец понял, что оказался послушным орудием Хадира, который сам был игрушкой в руках веселого Бела – Покровителя воров. Поистине, эта ночь стала ночью унижений. Но, не тратя времени на пустые терзания, киммериец попросту поклялся отомстить Лысому – потом, когда выберется.

Через улицу бежать было нельзя: слева – тупик, справа – стража. Конан бросился к задней стенке лачуги, за которой извивалась между домами сточная канава.

– Это медальон светлейшего Эдарта, – изумленно проговорил Айсор, склонившийся над оставленной Белом цепью.

– Хоть самого Митры! – рявкнул варвар, пытаясь просунуть лезвие меча в щель между широкими досками.

– Он украден позавчера, – задумчиво прибавил мальчик.

Конан вспомнил, что на давешней попойке Хадир праздновал рискованную кражу, смутно почувствовал какой-то подвох, ловушку для Лысого в том, что золотой медальон, символ власти светлейшего, валяется здесь среди мусора, но дальше мысль не пошла: за спиной скрипнула дверь. Киммериец развернулся всем телом, готовый отбиваться от врывающихся стражников, но никаких стражников не увидел. На пороге стоял Хадир.

Как раз в то время, когда ошеломленный киммериец следил за жутким превращением Ухарты в хитроумного Бела, шестерка воров во главе с Хадиром подобралась почти вплотную к укрытию Конана. Попетляв среди убогих хибар, шайка Лысого затаилась на ветхой крыше одной из них. Отсюда были хорошо видны все подступы к логову противника. Впереди серели в свете заходящей луны еще несколько крыш, за ними открывался черный провал – улочка. На другой ее стороне, видная как на ладони, мерцала дырявыми стенами освещенная изнутри низенькая лачужка, только этим мерцанием и приметная в ряду таких же ветхих домишек.

Хадир удовлетворенно оглядел открывшуюся перед ним картину. Конану отсюда убежать будет трудновато: улочка кончается надежным тупиком. Уходить по крышам – так стражники не вчера родились, небось догонят… Разве вплавь по сточной канаве? Что ж, на здоровье! Усмехнувшись, Лысый оглянулся. За спиной, в окружении молчаливых здоровяков, маялся в тоскливом ужасе десятник Нариб. Рот у десятника был заткнут обрывком его же хламиды, а руки прочно стянуты веревкой. Хадир вынул кинжал, подошел к пленному. Тот отшатнулся

сперва, но тут же замер, почуяв острый металл у кадыка.

– Где твои прихвостни залегли? Быстро отвечай, мне ждать недосуг… – Шепот Хадира холодной змеей вполз в уши стражника, и он как завороженный указал связанными руками на недальний поворот улицы, туда, где таился в засаде преданный ему отряд стражи.

– Близко отсюда?

Нариб осторожно кивнул.

Убрав кинжал, Лысый отошел к краю крыши, подозвал одного из воров и тихо спросил:

– Лачугу видишь?

– Вижу.

– Когда свет там погаснет, отпустишь его, – Хадир мотнул головой в сторону десятника, – и бегите отсюда во всю прыть. Встретимся утром. Понял?

– Понял. Сделаю.

Хадир хлопнул собеседника по плечу, бесшумно спрыгнул вниз и прокрался к обшарпанной глиняной: стене напротив хибарки. Прислушался. Там, внутри, слышались разговоры, но слов Лысый разобрать не смог, как ни старался. Внезапно дверь лачуги распахнулась, но никто не вышел. Затаившийся в густой тени Хадир с удивлением увидел, как дверь, открывшись на мгновение, плавно затворилась сама собой. Чудеса… «Сквозняк, должно быть», – подумал Лысый, успокаивая себя. Плевал он на чудеса. Никакие чудеса его теперь не остановят.

Прислонившись к стене, он перебирал в памяти все стороны идущего к концу дела, проверяя, не упустил ли чего. Так… Конан с наследницей Хеир-Аги и неким приблудным мальчишкой до сих пор здесь. Хадиру остается только войти, усыпить бдительность туповатого киммерийца изъявлениями восторга и завладеть браслетом из святилища Бела в Шеме. Хитростью, ловкостью, уговорами – все равно как. А с браслетом ему сам Сет не страшен! Ну а потом… О! Потом Хадир погасит светильник, Нариба тут же освободят – и пусть он подает сигнал, пусть ведет сюда доблестную стражу и берет Конана тепленького, к Нергалу их всех в глотку!

Хадир пересек улицу, распахнул дверь и уверенно шагнул через порог. Улыбнувшись замершему в боевой стойке киммерийцу и ладному пятнадцатилетнему подростку, стоявшему над мятым светильником, Лысый зашарил взглядом по комнате, ища вожделенную драгоценность, но ни браслета, ни девушки не нашел, зато неприятно поразился, увидев золотую вещицу у ног мальчика. Вещица эта, по расчетам Хадира, должна была второй день качаться в маленьком сундучке меж горбами верблюда, который пересекал пустыню вместе со многими другими верблюдами, уносившими прочь от Шадизара товары одного богатого и щедрого караванщика. Однако она лежала здесь.

Хадир поморгал, сделал шаг вперед, желая разглядеть наверняка, но тут Конан, мимоходом пнув ногой светильник, навис над Лысым, схватил его за горло и поднял в воздух. Лампа, прокатившись по короткой дуге, погасла.

Хадир вцепился в сжимающиеся пальцы варвара, моля Митру о спасении, и спасение, казалось бы, пришло: вдали раздался свист, топот, крики, Конан, выругавшись, ослабил хватку. Хадир судорожно вздохнул полной грудью, но выдохнуть не успел, ибо киммериец успокоил его сокрушительным ударом в челюсть, а затем, оставив Лысого на попечение подбегающей стражи, вышиб доску в задней стене и стремительно скрылся.

Звериный инстинкт самосохранения вырвал Хадира из забытья через несколько мгновений. Превозмогая бьющуюся в голове боль, он открыл глаза и увидел факелы стражи, блеск оружия, услышал крики: «Медальон светлейшего!… Взять!…» Его грубо подняли на ноги, откуда-то слева выплыло лицо Нариба, и внезапно Хадир понял, что не все потеряно… Обвинять-то его будет Нариб, а ведь Лысый о десятнике такое может порассказать… Глядишь – и смилостивится

светлейший Эдарт, оценит услугу… Подумав об этом, Лысый приободрился.

Но и Нариб думал о том же…

* * *

Город пробуждался.

Солнце, скользнув по остывшим барханам пустыни, щекотало сонный Шадизар, наполняло воздух дрожащей жаркой дымкой, плясало в струях фонтанов. Улицы, мощенные песчаником, заполнялись торопливыми ремесленниками, беспрестанно болтающими женщинами, голосистыми водоносами, торговцами всяческой мелочью. В центре города, у закипающего дневной суетой базара, собирался в дорогу караван вендийских купцов – богатейший караван, видит Митра! Две сотни верблюдов – ей же ей! Никак не меньше! – бесчисленное множество погонщиков, крики на всех языках, тюки, сундуки, разноголосье, цветистое скопище людей и животных…

Конан, стоя поодаль, краем глаза следил за мелькающим в этом месиве деловитым, до неузнаваемости вымазанным уличной грязью Айсором. Ночью, когда лачуга, чуть не ставшая ловушкой, осталась далеко позади, сын наместника заявил, что хочет отправиться по свету искать воинской удачи. Варвар только плечами пожал: зачем, мол, тебе… Юноша не обратил внимания на презрительный жест. Объяснил спокойно, что, во-первых, дворцовая жизнь ему обрыдла, а во-вторых, возвращаться сейчас туда опасно. Наложница отца, прекрасная Лаита, должна была услать своего евнуха и ждать Айсора на ступеньках потайного хода, того, который ведет из святилища…

Услышав это, Конан усмехнулся и добавил, что Лаита, пожалуй, сдержала слово, он сам тому свидетель. Вот-вот, закивал паренек, значит, ждала в условленном месте и, стало быть, нюхнула порошку, которым Конан так дружески его, Айсора, угостил. Стоит ли ему теперь возвращаться во дворец, где разгневанный Хеир-Ага пытается разобраться в загадках прошедшей ночи? Видит Митра, не стоит! По нему, уж лучше лицом к лицу встречаться с прямой опасностью, чем лгать и изворачиваться наравне с бабами…

Теперь Айсор уходил с караваном в Туран, а дальше – как повернется судьба, может, станет толковым воином… Конан, вспомнив свой собственный первый поход, усмехнулся: он и в раннем детстве счел бы унизительным толкаться среди торговцев…

– Конан!

Тихий голос за спиной, совсем рядом… Кром!… Да это же…

Варвар, по горло насытившийся за ночь внезапными выходками потусторонних сил, чуть не шарахнулся от щуплого мальчишки, взиравшего на киммерийца с беспредельным восторгом.

– Конан… Скажи… А не хочешь говорить – так хоть головой кивни…

Конан уставился на Ухарту, сироту, мелкого воришку, как беззащитная девица на змею, но паренек, не замечая его взгляда, тихо умолял:

– Скажи, это правда? – Ч-что?

– Ну… – Ухарта замялся. – Говорят… Кто-то проник ночью в гарем наместника… Неслыханную кражу совершил… А Хадир пойман сегодня с поличным и убит стражей! А еще, – мальчик заулыбался, – говорят, что Хадир вчера поспорил с тобой и, видит Бел, проиграл…

Конан, слушавший со все большим интересом, при упоминании имени бога воров как-то странно посмотрел на Ухарту и, ничего не ответив, быстро пошел прочь, сметая с дороги

зазевавшихся. Через несколько шагов обернулся: мальчишка удивленно смотрел ему вслед и ничего, кроме обиды и изумления, не было в его взгляде – ни малейших воспоминаний о ночных похождениях… «Нергал с ними, – подумал он, – со всеми этими хитростями людей и играми богов!» Слава Крому, что цепь ошибок и неудач все-таки привела его к победе, а теперь пора отдохнуть в обществе двух-трех сговорчивых девиц, которые, видит Митра, не превратятся в парней…

Он прищурился на солнце, раз и навсегда пообещал себе больше не заключать сделок с ловкими противниками и зашагал по узкой улочке, предвкушая удовольствия, ждущие его впереди.

WWW.CIMMERIA.RU

· Этот текст представлен лишь для ознакомления, Вы должны удалить этот файл не позднее чем через 24 часа.

· Запрещается любое использование данного текста без согласования с администрацией сайта www.cimmeria.ru